

ИСТОРИЧЕСКИЙ АРХИВ



«Мы были далеки от мысли о разыгравшейся в ближайшую ночь трагедии»

Воспоминания Р.М.Плехановой о С.И.Бардиной

В печати уже появлялись отрывки из воспоминаний жены и друга Георгия Валентиновича Плеханова – Розалии Марковны Плехановой (1856–1949), хранящихся в Архиве Дома Плеханова Российской национальной библиотеки (РНБ. АДП) и озаглавленных автором «Моя жизнь»¹. Эти воспоминания начинаются с детства Р.М.Плехановой и заканчиваются 1903 г. Несколько десятилетий спустя, в 1940-е гг., она писала: «Надо спешить. Мне уже 85-й год. Хватит ли у меня времени исполнить свою обязанность по отношению к дорогим ушедшим и живущим?»². Об одной из «дорогих ушедших» – публикуемый ниже фрагмент. Его необходимо предварить рассказом о С.И.Бардиной (1852–1883)³, трагической судьбе которой он посвящен.

Софья Илларионовна Бардина происходила из небогатой дворянской семьи. С высоким отличием окончила Александринский институт благородных девиц в Тамбове. Чтобы продолжить образование, приехала в Москву, где познакомилась с революционно настроенной молодежью. В 1872 г. мечтавшая стать агрономом Софья Бардина в числе других русских девушек уезжает для продолжения учебы в Цюрих.

Общественная жизнь в русской колонии кипела: устраивались лекции, диспуты, читались рефераты, создавались кружки самообразования. Такое объединение сформировалось и вокруг Бардиной. Она, по словам С.М.Кравчинского⁴, была «бойкой, энергичной, остроумной девушкой, от которой так и брызгало жизнью и весельем», которая «становилась душою общества, куда только ни попадала»⁵.

Девичья компания назвала себя «кружком фричей» (по имени квартирной хозяйки швейцарки Фриче). Туда входили будущие революционерки Вера и Ольга Люботович⁶,

¹ См.: Плеханова Р.М. Из воспоминаний Р.М. Плехановой «Моя жизнь» / Публ. И.Н.Курбатова // Вопросы истории. 1970. № 11. С. 103–115; № 12. С. 107–117; Плеханова Р.М. Воспоминания Р.М.Плехановой о жизни Г.В.Плеханова в Париже (1880–1881 гг.) / Публ. И.Н.Курбатова // Новая и новейшая история. 1981. № 6. С. 132–143. См. также: Филимонова Т.И. Семья Георгия Валентиновича Плеханова // Георгий Валентинович Плеханов: К 150-летию философа, мыслителя и общественного деятеля. Липецк, 2006. С. 3–65.

² РНБ. АДП. Ф. 1094. Оп. 1. Ед. хр. 3. Л. 97.

³ Даты жизни С.И.Бардиной приведены по изданию: Троицкий Н.А. Царские суды против революционной России. Политические процессы 1871–1880 гг. Саратов, 1976. С. 351.

⁴ Кравчинский Сергей Михайлович (псевд. – С.Степняк) (1851–1895) – революционер-народник, писатель. Автор книг о России и главным образом о русских революционерах («Подпольная Россия», «Андрей Кожухов» и др.). Незаурядная и обаятельная личность Кравчинского, его своеобразный талант отражены во многих мемуарах (Н.А.Морозова, П.А.Кропоткина, В.И.Засулич, Б.Шоу).

⁵ [Кравчинский С.М.] Софья Илларионовна Бардина // Софья Илларионовна Бардина. СПб., 1906. С. 5–6.

⁶ Люботович Вера Спиридоновна (1855–1907) и Ольга Спиридоновна (1853–1917) – революционерки, народницы. Обе судились по «процессу 50-ти». Ольга Люботович впоследствии состояла в организации «Земля и воля», в Исполнительном комитете «Народной воли».

Вера и Лидия Фигнер¹ и др. Впоследствии В.Н.Фигнер вспоминала: «Окружающая жизнь, события в области рабочего движения и Интернационал... направили мысль членов кружка на те задачи, которые должны быть поставлены им для будущей деятельности в России... Увлекаясь учением Бакунина² и отчасти под влиянием журнала Лаврова³ «Вперед», большинство членов решило... вернуться на родину для ведения социалистической пропаганды в народе...»⁴.

Между тем, 21 мая 1873 г. через соответствующее сообщение в «Правительственном вестнике»⁵ царское правительство обязало всех русских женщин, учившихся в Цюрихе, вернуться до 1 января следующего года в Россию, дабы им не быть вовлеченными в революционную деятельность. Отъезд в Россию стал неизбежен.

«Фричи» встречаются в Москве. Их кружок сливается с кружком «кавказцев» (И.С.Джабадари⁶ и др.). В ноябре 1874 г. было положено начало новой революционной группы – «Всероссийской социально-революционной организации», известной также как «кружок москвичей». (Помимо Москвы, организация располагала своими представителями в Киеве, Иваново-Вознесенске, Серпухове, Туле, Шуе и Одессе.) Программа «москвичей» – мирная пропаганда, а затем организация местных бунтов, которые, по их мнению, должны были вылиться в общее всероссийское выступление.

Активная работа начинается в начале 1875 г. За два месяца «москвичи» охватили своей пропагандой, по разным источникам, от 8 до 20 фабрик, надеясь из числа рабочих подготовить посредников для дальнейшей работы в деревне. Пропагандистами были интеллигенты обоего пола, поступавшие на фабрики или устанавливавшие связь с рабочими, из среды которых выходили агитаторы. Они привлекали в организацию таких рабочих, как Петр Алексеев⁷ и др. Однако на молодых барышень – участниц кружка,

¹ Фигнер Вера Николаевна (1852–1942) и Лидия Николаевна (1853–1920) – революционерки-народницы. Обе привлекались по «процессу 50-ти». Вера Фигнер впоследствии состояла в Исполнительном комитете «Народной воли», участвовала в подготовке покушений на императора Александра II. По «процессу 14-ти» (1884) приговорена к смертной казни, замененной вечной каторгой. В течение 20 лет Вера Фигнер отбывала одиночное заключение в Шлиссельбургской крепости; в тюрьме писала стихи. После Октябрьской революции 1917 г. занималась литературным трудом.

² Бакунин Михаил Александрович (1814–1876) – революционер, один из основателей и теоретиков анархизма и народничества.

³ Лавров Петр Лаврович (1823–1900) – теоретик революционного народничества, философ, публицист, социолог. В 1873–1876 гг. редактор журнала и газеты «Вперед!» (Цюрих, Лондон), ставших органами не только русского революционного, но и трибуной международного рабочего и социалистического движения. Одним из работников типографии журнала была Софья Бардина.

⁴ Фигнер В.Н. Процесс «50-ти». 1877 г. //Каторга и ссылка: Историко-революционный вестник. 1927. Кн. 33. С. 8–9.

⁵ «Правительственный вестник» – газета, орган Министерства внутренних дел. Выходила ежедневно в Петербурге с 1 января 1869 г. по 26 февраля 1917 г. Публиковала распоряжения и сообщения правительства, отчеты о заседаниях Совета министров и Государственного совета, внутренние и зарубежные известия, статьи и рецензии на книги, метеосводки и т.п.

⁶ Джабадари Иван Спиридонович (1852–1913) – революционер-народник. В 1872–1874 гг. учился в Медико-хирургической академии в Петербурге. Участвовал в студенческих выступлениях. Один из организаторов «Всероссийской социально-революционной организации». По «процессу 50-ти» приговорен к 5 годам каторги. Автор воспоминаний.

⁷ Алексеев Петр Алексеевич (1849–1891) – один из первых рабочих-революционеров в России. С детства работал на ткацких фабриках Москвы и Петербурга. Активный член

работавших и пропагандировавших на фабриках, обратила внимание полиция. В апреле 1875 г. была разгромлена московская группа, к осени того же года арестованы все сторонники «Всероссийской социально-революционной организации» в других городах. В 1877 г. революционеров судили по «процессу 50-ти».

«Процесс 50-ти» проходил в Петербурге в Особом присутствии Правительствующего Сената 21 февраля – 14 марта 1877 г. 9 марта получили слово отказавшиеся от защиты обвиняемые, в том числе Софья Бардина и Петр Алексеев. То были первые в стенах царского суда программные речи. Все выступавшие «демонстративно засвидетельствовали свою верность идеалам народнического социализма»¹.

Широкую известность получили заключительные слова речи Бардиной: «Преследуйте нас, – за вами пока материальная сила, господа; но за нами сила нравственная, сила исторического прогресса, сила идеи, а идеи – увы! – на штыки не улавливаются!»².

Бардину приговорили к девяти годам каторги, замененной ссылкой в Сибирь. В 1880 г. ей удалось бежать за границу, где в Швейцарии она познакомилась с Плехановыми, бывала у них дома.

Воспоминания Розалии Марковны о Бардиной ценны и фактографически, и эмоционально. Автор стремится дать законченный портрет своей героини. Деликатно, без какого-либо сознания собственного превосходства делится своими размышлениями о личности Софьи Бардиной. Р.М.Плехановой удается вести рассказ одновременно и от лица пожилой, прожившей нелегкую, но счастливую жизнь, женщины, – и от лица молодой, пылкой революционерки, которой Розалия Марковна была во времена описываемых событий. Эти воспоминания, исполненные сочувствия и восхищения, отражают жизнь русской эмиграции конца XIX в. и позволяют воссоздать духовный облик революционеров того времени.

Публикация осуществлена по автографу, хранящемуся в Архиве Дома Плеханова РНБ. В тех случаях, когда текст не поддавался прочтению, он приводится по копии, сделанной секретарем Р.М.Плехановой Л.А.Дукат (РНБ. АДП. Ф. 1094. Оп. 1. Ед. хр. 7. Л. 194об. – 208). В квадратных скобках приведены расшифровки сокращенных слов, а также необходимые по смыслу, но пропущенные автором при написании. Подчеркивания воспроизведены по автографу. Воспоминания печатаются в соответствии с нормами современного русского языка. Сведения о некоторых лицах выявить не удалось.

Публикацию подготовила к печати З.Г.КРЕЙЦЕР.

Р.М.Плеханова

[...] Во время нашего краткого пребывания на Chemin de la Cluse произошло еще одно событие, наполнившее наши сердца вначале великой радостью и закончившееся через короткое время глубокой трагедией.

«Всероссийской социально-революционной организации». Судим по «процессу 50-ти». 9 марта 1877 г. произнес на суде яркую речь, в которой говорил о тяжелом и бесправном положении рабочих, о грабительском характере реформы 1861 г. и выразил уверенность, что «...подыметься мускулистая рука миллионов рабочего люда, и ярмо деспотизма, огражденное солдатскими штыками, разлетится в прах». Был приговорен к 10 годам каторги. Убит бандитом.

¹ Троицкий Н.А. Безумство храбрых. Русские революционеры и карательная политика царизма. 1866–1882 гг. М., 1978. С. 115.

² Речь Софьи Илларионовны Бардиной // Софья Илларионовна Бардина. СПб., 1906. С. 28–32.

Из ссылки, из далекой Сибири, бежала в Швейцарию в Женеву Софья Бардина, которая явилась впервые к нам в один из наших приемных вечеров. Мы раз в неделю по субботам принимали наших близких друзей из политической эмиграции. Тут бывали и близкие друзья: Вера Ивановна Засулич¹, Л.Г.Дейч². Появление Бардиной было для нас большим счастьем. Ее работа среди фабричных рабочих в России, ее выступление на «процессе 50-ти» с замечательной по форме и существу речью врезались в нашу душу и память. Я живо помнила ее выступление на процессе, восторг, вызванный ее речью среди присутствующих на процессе. Я теперь вижу ее на скамье подсудимых, несмотря на прошедшие 65 лет, скромной, с интеллигентным одухотворенным лицом, среднего роста, произносящей симпатичным тембром голоса свою незабвенную речь. Моя радость увидеть Софью Бардину у себя в своей семье была безгранична. Она очень интересовалась нашей жизнью, выразила желание повидать нашего ребенка, и я помню, как я повела ее в детскую, где около нашей 18-тимесячной девчонки находилась ее няня Филомен³ и с гордостью показывала ее госте.

Вечер этот прошел чрезвычайно оживленно. Софья Бардина нам рассказывала о своем бегстве из Сибири, расспрашивала о новых течениях в политическом мире, об эмиграции, ее жизни, интересах, деятельности. Тут же на вечере были у нас старые эмигранты Н.И.Жуковский⁴, Эльсниц⁵. Закончился вечер рассказами о родине, о русских песнях, и Софья Бардина нам пропела прекрасным голосом несколько народных русских песен. Разошлись наши друзья и приятели оживленные, в восторженном состоянии от проведенных нескольких счастливых часов без забот и тяжелых дум. [...]

После описанного мною выше вечера она заходила к нам вначале довольно часто, посещала устраиваемые нами вечера по субботам, живо интересовалась поднимавшимися на этих вечерах вопросами о рабочем движении на Западе и в России. Она очень сблизилась с В.И.Засулич, которая знакомила ее с марксизмом, и с Сергеем Кравчинским, который очаровал ее своей личностью. Посещения ее сделались менее частыми в марте–апреле месяце 1883 г. На мой вопрос, почему она редко посещает нас, она ответила, что занята с В[ерой] И[вановной] изучением Маркса. Вид при этом был у нее грустный, озабоченный. От жизнерадостной, разговорчивой, бесподобно распевавшей русские народные песни, какой она нам представилась в первый памятный вечер нашего знакомства, [не осталось] ни следа!

В начале мая, сколько мне помнится, отправляясь в анатомический театр медиц[инской] школы, я встретила С.Бардину, которая направлялась ко мне с пакетами. «Я к Вам, Розалия Марковна, приношу Вам некоторые вещи из моего гардероба, которые, может быть, Вам пригодятся. Мне эти вещи совершенно не нужны. Завтра я еду в Париж, а там придется обзавестись другой одеждой». Я всячески отказывалась, уверяя ее, что у меня имеется все мне нужное, но пришлось уступить ее решительным настояниям.

В пакете оказались: а) материя на платье, б) теплая кофта-полу пальто, с) убрание из лент для головы и d) обручальное кольцо. Я решила сохранить пакет и вернуть ей по ее возвращении. Вечером, вернувшись из анатомической лаборатории, я поделилась с мужем и Верой Ивановной, которая была тогда у нас, впечатлением по поводу этого, озадачившего меня, визита и решения моей любимицы покинуть

Женеву и уехать в Париж. Это ее решение было неожиданностью даже для В[еры] Ивановны, которая встречалась с ней часто, работала с ней по теории марксизма. Мы были озадачены внезапностью принятого Софьей Бардиной решения. Но были далеки от мысли о разыгравшейся в ближайшую ночь трагедии.

На следующий день утром прибежала к нам приятельница С.Бардиной, эмигрантка Туманова⁶, очень взволнованная, и сообщила нам, что она только что была у Бардиной, застала ее в глубоких страданиях. Она ей призналась, что покушалась на самоубийство, стреляла в область сердца, но рана оказалась не смертельная. Надо немедленно направить к ней врача и кого-нибудь из близких друзей. Это было сделано немедленно, но друзья и пришедший с ними врач уже не застали Софьи Бардиной на ее квартире.

Оказалось, что перепуганная хозяйка дала знать о случившемся несчастье с ее квартиранткой в ближайший полицейский участок, оттуда немедленно прислали карету скорой помощи, перевезли раненую в кантональный госпиталь. Друзья бросились в госпиталь, но тут произошло нечто невероятное! Им было заявлено, что госпитальным властям запрещено полицией допустить кого бы то ни было из друзей, приятелей к больной, пока не будет расследовано дело. Эта строгость, бесчеловечная, непонятная, нас поразила точно внезапный гром, горю нашему не было пределов, в особенности для близких друзей Софьи. Чем объяснить эти строгости? Нам известно было, что она жива, но что дни ее сочтены. Она умирала от медленного кровоизлияния во внутренность околосердечной сумки (предсердия), но она, наверное, хочет видеть друзей, передать им свои последние распоряжения, последнюю волю, поделиться с друзьями о том, что ее двинуло на ужасное решение. Кроме близких друзей вся политическая эмиграция была в страшном волнении. В госпиталь, в Государственный совет направились депутации, чтобы узнать причины этих ужасов. За больной не было никаких террористических актов. Она занималась пропагандой среди рабочих фабрик Москвы, была пропитана лаври[ст]скими взглядами.

Но все наши старания ни к чему не привели. Кончилось тем, что нам было заявлено в кантональном госпитале, что Софья Бардина просит ее не беспокоить, она никого видеть не желает, даже самых близких друзей. Это заявление нас очень поразило, но после него мы не настаивали. Мы были очень огорчены, но не считали себя вправе беспокоить тяжелую больную против ее желания.

В палате, где лежала больная Бардина, работала над своей диссертацией по сердечным болезням тогда известная женщина-врач M-me Salos-Жудра, полька по происхождению, вышедшая замуж впоследствии за талантливого, многообещавшего ассистента профессора Revolland. Я знала, что она работает в палате, где лежит наша больная, и обратилась к ней, прося ее узнать от больной, не может ли больная принять кого-нибудь из близких друзей, которые очень обеспокоены ее состоянием. На это Dr. M-me Жудра-Салос ответила мне, что она ее спросила об этом, передала нашу просьбу, но больная никого видеть не хочет! Мы не могли допустить, что эта женщина говорит неправду! Но оказалось, что она присоединилась к сонму заговорщиков против умирающей Софьи Бардиной!

Тоске и беспокойству нашему не было пределов, и вот вывела нас из этого состояния та же Туманова, о которой я говорила выше, близкая приятельница умирающей.

Она решила во что бы то ни стало повидать больную и явилась в госпиталь в приемный час. Было много родственников больных, ожидавших у входных дверей в палату. Туманова стала между ними, дежурная сестра не очень была строга в расспросе посетителей, и ей удалось проскользнуть в палату и подойти к постели умирающей. Последняя открыла глаза, увидела близкого человека и слабым голосом сказала: «Что же вы покинули меня? Оставили, никто из близких ко мне не заглянул, не проявил за это время никакого интереса к моей жизни, моей судьбе! Чем я провинилась перед вами? Почему такое равнодушие?» В голосе ее слышался горький упрек! «Ведь ты не хотела нас видеть, ведь на многократные наши приходы в госпиталь, хлопоты о пропуске к тебе нам отвечали: «Elle ne veut votre personne»⁷. Ты же сказала работавшей в этой палате женщине-врачу г[оспо] же Жудра, что ты никого из нас видеть не хочешь?» «Ничего подобного, я никому этого не говорила, а наоборот, все поджидала кого-нибудь из вас, все надеялась, но напрасно!»

Через несколько дней после этого разговора Бардиной не стало. Некоторым из нас удалось проникнуть в палату, но перед нами лежала агонизирующая, дорогая нам всем и всем русским революционерам героиня «процесса 50-ти» 1877 г.

Когда политическая женевская эмиграция и близкие друзья узнали о том, что начальство города и госпитальное по его требованию захватило в свои руки Софью Бардину под давлением русского посольства, которое надеялось добиться от тяжелой больной и умирающей секрета ее трагического решения, горю и возмущению не было конца. Делегации шли с протестами, сколько мне помнится, в Государственный совет Женевской Республики, обращались к крупным государственным деятелям за советами: как быть? Как положить конец подобным вопиющим фактам? Но все было напрасно. Нам ясно давали понять, что поступлено было по повелению русского посольства.

Сколько мне помнится, и торжественные похороны, которые хотела устроить С.Бардиной эмиграция, были запрещены. Было позволено присутствовать нескольким близким трагически погибшей.

Мы с Георгием Валентиновичем, Верой Ивановной были страшно поражены этой трагедией и спрашивали себя, что побудило нашу дорогую, высоко ценимую Софью Бардину к такому концу. Кое-что нам выяснилось после ее смерти.

В Сибири она перед бегством потеряла единственного любимого ребенка. Муж ее, учитель, сколько мне помнится, средней школы, оказался неподходящим к ней человеком, и она скоро в нем разочаровалась. Это был[о] для нее в ее сибирской жизни большим ударом, утешением был ребенок.

Потеря любимого ребенка была сильным потрясением физическим и моральным. Жизнь на каторге и в ссылке сильно отразились на ее слабом физически организме. Она по приезде в Женеву страдала большим малокровием.

Вере Ивановне, которая занималась с ней по вопросам марксизма, она часто жаловалась на то, что плохо успевает в занятиях, что голова ее отказывается работать, что она опасается, что из ее занятий ничего не выйдет. А В[ера] Ивановна, наоборот, ободряла ее, она находила, что успехи ее медленны, но несомненны, и приписывала некоторое ослабление памяти ее общему состоянию. Она поправится физически, и все пойдет прекрасно. Она и теперь делает успехи, а потом подавно!

Мы терялись в мыслях, спрашивая себя о причинах, повлекших эту трагическую развязку жизни героической, талантливой Бардиной, лучшего образа нашего революц[ионного] движения 70-х гг. прошлого столетия.

Теперь, шестьдесят лет спустя, когда я думаю об этом трагическом событии в нашей эмигрантской жизни, я объясняю себе это печальное событие таким образом: ослабленный организм ужасами хотя и непродолжительной каторги и ссылки, личное разочарование в любимом человеке, потеря любимого ребенка, бегство из ссылки, требующее всегда траты физических сил, – все это изнурило организм Софьи Бардиной. Очутившись за границей в симпатичной среде, она начала оправляться физически, но она застала другую эпоху, не конец 70-х гг., а начало 80-х, когда взгляды на цели и пути революционного движения переменялись. Для того чтобы идти в уровень с новым течением, надо учиться, пройти целую школу, философскую и экономическую.

Очень требовательная к себе, припоминая крупную роль, которую она играла в 70-е гг. в русском революционном движении, она и теперь должна быть на высоте, а между тем ослабленный организм, малокровие не давали ей в области занятий необходимого удовлетворения. Она не достигнет той высоты умственного развития, которая нужна теперь для революционера. Зачем жить, если не для дела? Но жить нужно и хочется. Поищу зацепку: личную жизнь. Тут, в эмиграции, она нашла человека, очень выдающегося по своим способностям, своим умом, мягкостью характера, и за которым имелось большое революционное прошлое, – политический эмигрант К.⁸ Он не был твердым марксистом, а сохранил свои народнические идеалы с примесью народовольчества. И по своим политическим взглядам, и по своему очаровательному характеру он очень понравился Софье Бардиной. Они подружились. На ее чувства, более чем дружеские, он мог ответить только дружбой. Сердце его было не свободно: он ждал свою жену, женщину, выдающуюся по уму и характеру. Она должна была последовать за ним в эмиграцию, и он ее ждал с нетерпением. Личная неудача! После смерти С[офьи Бардиной] мы узнали от близкого друга, которой досталась переписка умершей подруги, что раньше чем решиться на самоубийство, она прибегла еще к одному средству спасения.

Будучи студенткой медиц[инского] факультета в Цюрихе в 1874–75 гг.⁹, она познакомилась с одним студентом-французом. Молодые люди сблизились, полюбили друг друга и решили пожениться, когда она вернется из России, куда она уезжала на время. На родине она, как и многие ее сверстницы, увлеклась революционным движением, пошла в народ, начала работать на московских фабриках, вести пропаганду и агитацию среди рабочих. В результате арест, суд, каторга и ссылка.

Жених Софьи, как мы узнали после смерти Бардиной от ее близких друзей, посетил ее в Сибири и вернулся к своим занятиям в Париж. Мы все были уверены, что между ними было условлено, что она постарается бежать из ссылки, и они обвенчаются, и им обоим улыбалось личное счастье¹. Незадолго перед своим трагическим решением она написала ему и получила ответ, что он теперь интерн,

¹ Фрагмент, начинающийся со слов «жених Софьи...» и заканчивающийся словами «... личное счастье» зачеркнут автором (РНБ. АДП. Ф. 1094. Оп. 1. Ед. хр. З. Л. 159об). В ко-

поглощен работой и что от прошлого надо отказаться. Письмо его было найдено среди бумаг погибшей.

Смерть Бардиной была для нас большим горем, а мысль об ее моральных страданиях вследствие одиночества, запертости от всего близкого, живого, наполняла нас ужасом.

РНБ. АДП. Ф. 1094. Оп. 1. Ед. хр. 3. Л. 146об. – 159об.

Примечания

¹ *Засулич Вера Ивановна* (1851–1919) – деятель революционного народнического и социал-демократического движения, одна из основателей группы «Освобождение труда». Близкий друг Г.В.Плеханова.

² *Дейч Лев Григорьевич* (1855–1941) – участник народнического движения, один из основателей группы «Освобождение труда». Близкий друг Г.В.Плеханова.

³ *Филомен Боссети (Philomene Bausseti)* – домработница Плехановых, которая жила в их семье более тридцати лет. Р.М.Плеханова писала, что она «оказалась нашим ангелом-хранителем... и большим другом нашей семьи» (РНБ АДП. Ф. 1094. Оп. 1. Ед. хр. 3. Л. 154).

⁴ *Жуковский Николай Иванович* (1833–1895) – революционер, бакунист. Окончил Московский университет. В 1861–1862 гг. участник революционных кружков в Петербурге. Избежал ареста, выехав в 1862 г. за границу, где сблизился с издателями «Колокола». В 1863–1864 гг. жил в Дрездене, откуда организовал транспортировку изданий вольной русской печати в Россию. В декабре 1864 г. был участником женевского съезда русских революционных эмигрантов, в 1867 г. – переговоров «молодой эмиграции» с А.И.Герценом и Н.П.Огаревым. В 1868 г. участвовал с М.А.Бакуниными в выпуске 1-го номера журнала «Народное дело». В 1869 г. вступил в члены 1-го Интернационала, но в 1872 г., после исключения Бакунина, в знак солидарности с ним вышел из Интернационала. Сотрудничал в 1870-е гг. в газете «Работник» и был одним из редакторов журнала «Община».

⁵ *Эльсниц Александр Леонтьевич (Людвигович)* (1849–1907) – революционер, публицист. Учился на медицинском факультете Московского университета, исключен за участие в студенческих волнениях. В 1871 г. эмигрировал в Швейцарию, примкнул к группе сторонников М.А.Бакунина. В конце 1870-х гг. окончил медицинский факультет Женевского университета, отошел от революционного движения. Был сотрудником журналов «Дело», «Вестник Европы», газет «Русские ведомости» и «Порядок».

⁶ *Туманова Екатерина Борисовна* (1855 – после 1929). Вместе с С.И.Бардиной входила в кружок «фричей». Осуждена по «процессу 50-ти». В 1879 эмигрировала, жила в Женеве.

⁷ В копии воспоминаний Р.М.Плехановой «Моя жизнь» написано: «Она не хочет никого видеть» (РНБ. АДП. Ф. 1094. Оп. 1. Ед. хр. 7. Л. 205об.).

⁸ Вероятно, речь идет о С.М.Кравчинском. О дружеских отношениях С.И.Бардиной и С.М.Кравчинского см. выше в данной публикации (РНБ. АДП. Ф. 1094. Оп. 1. Ед. хр. 3. Л. 156).

⁹ Неточно. С.И.Бардина училась в Цюрихе в 1872–1873 гг.